

МАРИЯ ВОРОНОВА

СЕМЕЙНАЯ
КУХНЯ ЭПОХИ
КРИЗИСА

Мария Владимировна Воронова

Семейная кухня эпохи кризиса

Серия «Врачебная сага»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26531986

*Клиника измены. Семейная кухня эпохи кризиса / Мария Воронова: АСТ,
Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-063499-6, 978-5-271-27315-5*

Аннотация

Казалось бы – ничего нового. Не одна семейная лодка разбилась вдребезги, натолкнувшись на этот риф. Но не надо забывать, что герои Вороновой – врачи, и их предназначение – лечить, в том числе душевные раны. Они знают, где для спасения любви можно обойтись терапией, а где – необходимо хирургическое вмешательство...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	25
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Воронова

Семейная кухня

эпохи кризиса

Глава первая

Марина работала хирургом уже десять лет, но так и не привыкла к сумраку больничных коридоров. Было бы преувеличением сказать, что она боится ночной темноты в высоких арочных окнах или опасается привидений, прячущихся за старинными дверями, на которых сохранились настоящие латунные ручки. Но все же после полуночи, когда сестры включали кварц и куполообразные потолки озарялись фиолетовым светом, ей становилось не по себе.

Операция только что закончилась, и она знала, что в ближайший час не уснет, пока из организма не улетучится весь адреналин. Хорошо бы с кем-то скоротать этот час, но все службы, переделав плановую работу, ложились спать, пока не началось массовое поступление аппендицитов, которые днем надеялись, что пройдет, а в два часа ночи испугались неминучей гибели.

Она повернула в переход между операционным блоком и отделением. Там уже второй год шел ремонт, внутреннюю

проводку разрушили, и строители смастерили из обычных лампочек что-то вроде гирлянды. Светили они еле-еле, зато не было видно стен, ободранных до кирпичной кладки, и потолка в отвратительных ржавых пятнах. При мысли, что сейчас в темных углах может прятаться кто угодно, Марине вдруг стало по-настоящему страшно.

– У-у! – Сзади ее внезапно схватили за плечи.

Она заорала, дернулась изо всех сил и увидела веселую физиономию медбрата Валеры, красавца мужчины и бывшего десантника.

– У меня чуть сердце не остановилось! Что ты тут делаешь?

– В реанимацию ходил.

– А ты хоть уточнил, свободные места есть у них? Еще немного, и ты бы меня туда поволок после своих шуточек!

– Нельзя быть такой пугливой, – засмеялся Валера. – Эх вы, доктор Куин, женщина-врач! Я же только взбодрить вас хотел.

– Тебе удалось.

Валера добавил ей такой заряд адреналина, что бессмысленно было даже пытаться заснуть. Что ж, тем лучше. Марина включила компьютер и принялась за свои заметки.

Родив Славика, она так и застряла на сменной работе. Бабушек-дедушек на подхвате не было, и режим «сутки через трое» оказался самым удобным. Она занималась хозяйством, водила ребенка в бассейн и на кружки, да и смены

бывали разными: то она работала сутки напролет, а то полдня лежала на диване в ординаторской, отдыхая от домашней суеты. Конечно, сделать карьеру на такой службе было практически невозможно, но ведь женщин-хирургов и так очень редко выдвигают на руководящие должности.

Год назад Юля, подруга со школьных времен, а ныне редактор популярного женского журнала, предложила ей писать заметки в рубрику «Семейная кухня». Тема была Марине близка, написание заметок позволяло переключаться в часы дежурств, к тому же это был какой-никакой, но приработок.

Сегодня я расскажу, как семье из трех человек прожить на одну бюджетную зарплату. Часто приходится слышать, что это невозможно. А я со всей ответственностью заявляю, что возможно, и готова поделиться этой нехитрой наукой со всеми желающими.

Итак, у вас есть муж, ребенок, вы сами и одна бюджетная зарплата. Другие доходы, например зарплату мужа, мы откладываем, чтобы делать из этого фонда крупные покупки. И здесь нас поджидает первая и, пожалуй, самая большая опасность — искушение залезть в этот золотой фонд и цапнуть оттуда на текущие расходы. Подобный порыв надо безжалостно подавлять. Страшно не то, что мы возьмем несколько сотен, а то, что перестанем смотреть на эти деньги как на неприкосновенный

запас, потихоньку войдем во вкус и растренькаем его по пустякам, причем незаметно для себя. Стоит только начать, ведь и алкоголизм начинается с маленькой рюмочки!

Самое лучшее, что мы можем сделать, – это поместить деньги в труднодоступное место. Сберегательная книжка, ячейка в банке – вот наши помощники. А если вы не доверяете банкам и не хотите платить за аренду сейфа, придется хранить деньги в пределах квартиры, в какой-нибудь шкатулке, но при этом договоритесь открывать ее только вместе с мужем. Допустим, вы знаете, где шкатулка, а у него ключик.

Продумайте этот момент и переходите к планированию бюджета.

Первое, что необходимо сделать немедленно по получении зарплаты, – оплатить коммунальные услуги. Иначе потом не хватит или будет некогда – не успеете оглянуться, а вы уже должны за три месяца! Конечно, вас не выгонят на улицу, но мысль о долге отравит ваше существование. Да и телефон отключат.

Тут как специально зазвонил телефон в ординаторской. Марина чертыхнулась, сохранила текст и взяла трубку.

– Это вас беспокоит приемный упокой! – сказала трубка голосом того же Валеры. – Травматолог просит на консультацию.

Марина подошла к зеркальной двери причесаться.

Увидев свое отражение, вздохнула. Толстая тетка с унылой физиономией и невразумительной прической. Она почти не пользовалась косметикой, поэтому выглядела намного моложе своих тридцати шести лет. Но что толку в свежей физиономии, когда у тебя попа пятидесятого размера? С такой внешностью только и писать статьи о том, как прокормить семью на бюджетную зарплату! Ах, почему ее жизненный опыт не позволяет писать, как выйти замуж за олигарха и всю жизнь не работать?

Дежурил травматолог Козырев, полный мужчина сангвинического склада.

– Ножевое ранение, проникающее в брюшную полость, – сообщил он. – Я рану ревизовал, так у меня полностью туда зажим ушел. Оперировать надо.

– Умеете вы доставить женщине удовольствие. Где наш герой?

«Герой», кудрявый молодой человек, сидел на кушетке в компании друзей, стыдливо потупясь.

Марина надела перчатки, уложила парня и осмотрела. Брюшная стенка мягкая, пульс нормальный. Можно надеяться, что серьезных повреждений внутренних органов не обнаружится. Хотя бывает всякое. Особенно при ранениях сердца, полученных в пьяном виде. Такие пострадавшие до поры до времени ведут себя очень бодро.

Пострадавший пылко рассказывал, как он резал сало и

случайно попал ножом себе в бок. А потом еще раз, тоже случайно, полоснул по собственному плечу.

– Вы должны понимать, что я не могу записать в официальный документ такую ахинею, – вздохнула она. – Над этим анекдотом уже давно никто не смеется.

– Нет, ну так все и было! Сало же скользкое!

«Пострадавший и сопровождающие лица отказываются объяснить обстоятельства травмы», – привычно записала Марина. Пусть милиция разбирается, если захочет.

Она предупредила операционную и реаниматолога и занялась самым сложным делом – списанием наркотика. Для того чтобы вколоть один несчастный промедол, надо было заполнить три бланка, сделать запись в истории болезни и в двух специальных журналах.

Валера нависал над ней, наблюдая, чтобы она, боже упаси, не поставила роспись не в той графе или не той ручкой.

– Главное, что эта ампула драгоценная любому наркоману на один зуб, – раздраженно сказала Марина.

– Зато Госнаркоконтроль при деле. – Валера в последнюю минуту успел выхватить у нее ручку и подал специальную для главного журнала. – Борется с наркоманией не на шутку. Особенно радуется последнее распоряжение, чтобы журналы списания тоже в сейфе хранить. Давайте сюда, я его спрячу поскорее, а то наркоманы украдут и до дыр зачитают.

– Ну все, колите и подавайте в операционную.

Марина работала четко и последовательно – так, как учи-

ли в институте.

«Методика и еще раз методика, – говорил старый профессор. – Знание методики отличает профессионала от дилетанта. В простых, классических случаях соблюдать предписанную последовательность действий несложно, но если вы сталкиваетесь с необычной ситуацией, возникает соблазн и действовать так же необычно. Это грубейшая ошибка! В трудной ситуации спасает только знание правил и их соблюдение. Это, кстати, справедливо не только для хирургии, но и для жизни в целом».

Она открыла брюшную полость, обернула края раны салфетками и приступила к ревизии.

Ни крови, ни кишечного содержимого в животе нет. Уже хорошо.

– Держите крючок, – сказала она Козыреву. – И тяните сильнее, я не вижу селезенку. Как она глубоко! Больной какой-то неудобный.

– Так ведь не для нас делано! – засмеялся травматолог.

Повреждений внутренних органов нет. Замечательно. Как говорится, пострадавший отделался легким испугом.

– Можно было и не брать, – вздохнула она.

– Протокол есть протокол. Проникающие ранения требуют операции.

– Да, это так. Другой раз знаешь, что ничего не найдешь, но оперируешь по принципу – а вдруг? И с аппендицитами так же. Видишь, что операция не нужна, но все равно берешь

от греха подальше.

– Вот-вот. Этот парень мог заклеить свои раны пластырем и через три дня уже забыл бы, как сало резал. А теперь что? Десять дней в больнице плюс судебные разбирательства.

– Ой да ладно, судебные! Милиционеры не такие недоверчивые, как мы, версия про сало вполне их удовлетворит.

Закончив операцию, они с Козыревым выпили по чашке кофе и разошлись по ординаторским. Марине хотелось спать, но нужно было дописывать заметку.

Следующий шаг – закупить бакалею, чай, кофе, бытовую химию и туалетные принадлежности сразу на месяц. Ну, с крупами и макаронами все понятно, их приобретение, если вы не выберете какой-нибудь черный рис или тростниковый сахар, не способно нанести удар по бюджету, а вот предметы гигиены – другое дело.

Во-первых, определитесь, что вам действительно необходимо для поддержания чистоты в доме. Это средство для мытья посуды, стиральный порошок, полироль, а также средства для мытья ванной, туалета и стекол. Разумно используя этот скромный набор, можно поддерживать в доме сияющую чистоту. При этом не забывайте – покупая дорогие марки, вы платите не за качество, а за рекламу, которая вам же отравляет просмотр любимого сериала.

Теперь о предметах личной гигиены. Рискуя навлечь на себя презрение всех женщин мира, скажу – дешевые

шампунь и мыло ничуть не хуже дорогих, если выбрать подходящие для вашей кожи и волос. Ведь даже самый дорогой шампунь не сделает волосы в три раза гуще.

Кремы и косметика – дело, конечно, слишком интимное, чтобы что-то советовать. Замечу только, что кремы от морщин нужно использовать с осторожностью, они вызывают привыкание и синдром отмены. Обещания, что с помощью крема можно восстановить овал лица... Возможно, крем и подберет физиономию благодаря цементирующей клеевой основе, но как только он закончится, получится не овал, а обвал лица. Так что, пока возраст позволяет, лучше пользоваться простенькими кремами без биологически активных препаратов. Оптимально, если крем для вас выберет беспристрастный врач-косметолог, то есть специалист, не занимающийся распространением косметики. Но это совет почти утопический – подобные экземпляры встречаются в природе так же редко, как саблезубые тигры.

Что касается мужской косметики, задача облегчается тем, что обычно ее дарят в достаточных количествах на Новый год и Двадцать третье февраля.

Уязвимое место в этом списке – средства для укладки волос. К моему огромному сожалению, хороших дешевых лаков и муссов не существует. И здесь придется либо разоряться на дорогие, либо отпускать длинные волосы – заодно на парикмахерской сэкономите.

Итак, базовые закупки сделаны, и у вас на руках

остался огрызок зарплаты, с помощью которого надо продержаться целый месяц. Что же делать?

Профессор Царев был некрасив той завораживающей некрасивостью, которая часто заставляет женщин сходить с ума. Высокий костлявый брюнет с длинными крупными руками. Худое лицо с большим носом и острым подбородком в профиль напоминало Месяц Месяцович, как его рисуют в детских книжках. В юности Георгий занимался боксом, его нос, первоначально задуманный природой как орлиный, был в свое время сломан и анфас повторял очертаниями молнию. Широкие, высоко поднятые брови, большие карие глаза и тонкогубый рот... Словом, мать-природа снабдила его всеми необходимыми атрибутами Дон Жуана, но Георгий Иванович был слишком порядочным человеком для того, чтобы пополнить ряды соблазнительей. В нем угадывались скрытая сила и недюжинный талант любовника, однако профессор, не подозревая о впечатлении, производимом на женщин, оставался верным мужем и добросовестным работником. Он был из тех людей, которых тридцатилетние называют фанатами науки, а молодежь – ботанами. Главным в жизни Георгия Ивановича была фармакология, а все остальное происходило на периферии его сознания. Научные изыскания отнимали все время и силы, поэтому большой карьеры он не сделал, хотя снискал мировую известность как ведущий специалист по проблемам биотерапии опухолей. Он трудился в медицинском институте старшим научным со-

трудником, но не заботился ни о том, чтобы занять руководящую должность, ни о коммерческом использовании своих разработок. Наоборот, щедро делился собственными идеями, считая, что чем больше он их раздаст, тем больше новых мыслей придет в его освободившуюся голову. Царев закрыл вытяжной шкаф, загрузил лед в термос с жидким азотом, сложил туда готовые вакцины и отправился в свой кабинет. Лена, молодая симпатичная женщина с легкой мальчишеской фигуркой, уже поджидала его.

– Задержал?

– Нет, это я раньше приехала. Представляете, на Тучковом мосту не было пробки!

– Странно, – поддакнул Георгий Иванович.

Сам он передвигался на метро либо пешком и в проблемы уличных заторов не вникал.

Лена расшнуровала смешной пестрый рюкзачок, достала папку с документами и такой же, как у Царева, термос.

– Вот, посмотрите, какие получаются результаты. – Она раскрыла папку. – Тут у меня все в таблицах отмечено, каждый случай. А вот сводные таблицы.

– Полюбопытствуем.

Он склонился над бумагами, и Лена, стараясь помочь ему разобраться, неожиданно оказалась очень близко. В азарте водя колпачком ручки по таблице, она не замечала, что ее легкие белокурые волосы щекочут лицо Георгия. А он, наоборот, вдыхая аромат ее удивительно свежего дыхания,

вдруг совершенно забыл о науке.

«Какая же она хорошенькая, почему я раньше не видел? Серые глазищи, носик... Прелесть же! Господи, о чем я думаю?»

– А вот результаты томографии. Отчетливо видно, что за время терапии опухоль уменьшилась на три сантиметра.

Царев многозначительно посмотрел на пленки.

– Придется поверить вам на слово, – признался он, – сам я в этом мало что понимаю. Тогда надо бы сделать контрольную томографию всем пациентам, ведь один случай еще ни о чем не говорит.

– Хотелось бы, но это дорого, мало кто из больных может позволить себе выкинуть четыре тысячи для удовлетворения нашего любопытства. Вот если бы вы получили грант...

– Мечтать не вредно, – улыбнулся Георгий Иванович.

Несколько лет назад он взялся за разработку противоопухолевой вакцины. В раковых клетках достаточно антигенов, но они маскируются таким образом, что иммунная система перестает их распознавать как чужеродные. Задача Георгия Ивановича состояла в том, чтобы выделить эти антигены и заставить работать иммунитет. Своей вакциной он занимался преимущественно в свободное время, потому что основная направленность научной работы кафедры была другой. Доходило до того, что приходилось покупать лабораторных мышей на собственные деньги. На кафедре мало кто верил, что у Царева что-нибудь получится, но исследованиям не

препятствовали, полагая, что гений имеет право на безобидные причуды. Отработав технологию и получив кое-какие обнадеживающие результаты на мышах, Георгий задумался, что делать дальше. Никто из официальных лиц его открытием не заинтересовался, зато на горизонте появился профессор Спирин, человек, одержимый идеей победить рак. Он заведовал хирургическим отделением в больнице, где трудилась жена Георгия. Спирин разместил у себя клиническую базу кафедры хирургии мединститута и устроил центр лечения больных с распространенными формами рака. Центр принимал пациентов, от которых отказались все остальные врачи, и иногда добивался потрясающих результатов. Узнав от жены Георгия о его разработках, Спирин воодушевился и решил попробовать применить вакцины на совсем безнадежных больных. Георгий некоторое время сомневался, этично ли экспериментировать на людях, но потом успокоил свою совесть – этим больным было нечего терять. И вот уже второй год Спирин оперировал пациентов, удалял то, что можно удалить, а Георгий готовил для больного индивидуальную вакцину из его же собственной опухоли. Сотрудница Спирина Лена выполняла львиную долю работы – она возила Георгию материал, забирала у него готовую вакцину, вводила ее больным и контролировала состояние пациентов.

Каждый раз, получая от нее подробнейший отчет с таблицами, Георгий маялся угрызениями совести. По идее он должен был все это делать сам. Лена – обычный врач, не со-

трудник кафедры, значит, даже не сможет защитить на этом материале диссертацию. Получается, девушка старается за «спасибо».

– Если мою вакцину когда-нибудь признают, я назову ее... Лена, как ваша фамилия?

– Королева.

– Правда? – Георгий неожиданно расхохотался.

– Что смешного? Нормальная фамилия.

– Да, но согласитесь, «вакцина Царева – Королевой» звучит очень смешно!

– Что вы, Георгий Иванович! Я не заслужила такой чести. Просто помогаю вам чем могу.

– Не скромничайте. Впрочем, не будем зря мечтать. Пройдет еще много лет, прежде чем мы сможем официально зарегистрировать нашу вакцину. Вы успеете внуков женить к тому времени. Я забираю папку?

– Конечно.

– А компьютерные пленки?

– Пожалуйста. Я их отсканировала. Я вообще всю информацию дублирую, ей же цены нет.

Георгий усмехнулся. Так ли это? Хорошо было изобретателям пенициллина: ввели препарат умирающему от сепсиса, и через пару дней он выздоровел! Чудо, и всем сразу ясно, что лекарство действует. А ему на что ориентироваться? Единственный убедительный критерий – продолжительность жизни больного, но она зависит от стольких фак-

торов... Любой недоброжелатель легко докажет, что вакцина ни при чем.

Лена поднялась, а Георгий вдруг подумал, что не хочет, чтобы она уходила. Но задержать ее было нечем. Он накинул куртку и пошел провожать ее до остановки.

* * *

Марина искала в сумочке ключ. Ручка от тяжелого пакета с продуктами безжалостно впивалась в запястье. Может быть, позвонить в дверь? Но Славика нет дома, а муж рассердится, что она отвлекает его от занятий.

Она шумно хлопнула дверью, долго возилась в прихожей, но Георгий не реагировал.

– Привет! – Марина сама заглянула к нему.

Муж, естественно, сидел за компьютером.

– Здравствуй, Марина. Прости, у меня ответственный момент, боюсь сбиться с мысли.

Теперь она увидит его только за ужином, и то если он не попросит принести еду в комнату.

Переодевшись, Марина занялась готовкой.

«Я стала для него безликой служанкой, – меланхолично размышляла она, нарезая помидоры. – Хотя почему стала? Всегда была. Я – существо, полностью обслуживающее и обеспечивающее семью, чтобы он мог не думать ни о чем, кроме своей дебильной науки. Носится с этой вакциной как

с писаной торбой, хотя ежу понятно, что это полная туфта. Можно подумать, его первого озарило! Были же ученые, не глупее его, и противораковые вакцины разрабатывали, и доказали уже, что идея не работает! Что расстройство иммунитета при раке не главное. А Жора решил ковырять эту жилу до конца, на кафедре все уже над ним смеются. Увы, мне досталась роль самоотверженной спутницы непризнанного гения. Он никогда не спрашивает, хватает ли мне денег на хозяйство, не говоря уже о том, чтобы помогать. Мы называемся супругами, значит, „в одной упряжке“. На деле же я одна тяну этот чертов воз под названием „семейная жизнь“, а он восседает на телеге в роли беззаботного пассажира! И ради чего я его волоку? Получается, только ради статуса замужней дамы. Квартира досталась мне от бабушки. Деньги? То, что он несет в семью, еле хватает на прокорм и одежду для него самого. Душевная поддержка? Мы почти не разговариваем. Постель? Ха-ха! Ребенок? Интересно, узнает ли Георгий собственного сына, случайно встретив на улице?

Иногда так хочется послать его к черту! Но если я выгоню Георгия, другого мужа мне уже не найти. Придется доживать в одиночестве, а к этому я еще не готова...»

Марина яростно помешала жарившуюся на сковородке овощную смесь.

Ну почему она была такой дурой? С детства ее преследовал конфликт между телом и духом. Не родись красивой – кто только придумал такой бред? Разве эта поговорка уте-

шит тех, кто действительно не родился красивым? Тех, кто в одиночестве проглатывал любовные романы, пока другие девчонки бегали на свидания? Ах, как она мечтала о великой любви! Как верила в прекрасного принца, который оценит ее чистоту, преданность и силу духа... Который поймет, что Марина гораздо лучше их всех, хорошеньких и стройных, что только она утешит и спасет в трудную минуту и останется верной, как бы ни повернулась жизнь!

Ну и дубина же она была в молодости! Вместо того чтобы сесть на жесткую диету, сделать мелирование и приодеться, она проводила свои дни в мечтах о том, кто оценит по достоинству ее целлюлит и угрюмую ненакрашенную физиономию с неухоженными патлами вокруг. Для того чтобы найти любовь, она посещала хирургическое научное общество студентов. Парней там было много, но все они воспринимали Марину как хорошего товарища, а не как девушку. Зато неожиданно для себя она обнаружила, что хирургия дается ей легче, чем многим. И вообще, эта конкретная четкая наука гораздо интереснее, чем терапия, где нужно зубрить всякие механизмы действия на молекулярном уровне. Как почти любая женщина, Марина с трудом постигала то, что не могла увидеть и потрогать.

Георгий учился на ее курсе, но никто из девушек тогда не воспринимал его всерьез.

Он принадлежал к типу мужчин, которые формируются

поздно, годам к двадцати пяти, а до того представляют собой жалкое зрелище. Высокий, тощий и сутулый, с острым подбородком и тонкой шеей, из которой угрожающе торчал кадык, он походил на гадкого даже не утенка, а птеродактиленка. Человек с такими внешними данными, да еще щеголяющий в допотопных джинсах фабрики «Салют» и кедах, просто обязан быть круглым отличником, и Жора Царев им был. На кафедру фармакологии он пришел, еще учась в школе, ко второму курсу уже имел солидный список печатных работ и любым развлечениям предпочитал научные эксперименты.

Наверное, их жизненные пути никогда бы не пересеклись, если бы Жору не скрутил аппендицит. Он жил в общежитии на территории института, поэтому просто пришел в клинику госпитальной хирургии, расположенную в соседнем здании. Марина как раз помогала дежурному врачу, набиралась опыта, и Жорин аппендицит был первым, удаленным ею собственноручно. Именно поэтому, а вовсе не из сострадания или внезапно возникших любовных чувств она так преданно выхаживала Царева. «А вдруг у него будут осложнения? – в ужасе думала она. – Тогда все решат, что я еще не готова к самостоятельной работе. Господи, хоть бы все обошлось!»

Все и обошлось, но Марина, уже привыкшая заботиться о Жоре, представила, как трудно восстанавливать здоровье в общежитии, и почти неожиданно для себя предложила ему временно пожить в ее квартире. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Больше Царев эту квар-

тиру не покидал.

Марина перемешала готовую овощную смесь и выглянула в коридор. Из полуоткрытой двери Жориной комнаты доносился треск клавиатуры. Ага, творческий процесс в разгаре! Она плотно закрыла кухонную дверь, включила вытяжку на полную мощность и закурила.

Курение было единственным способом привлечь внимание мужа. Сам он курил, но категорически требовал, чтобы Марина бросила эту пагубную привычку, а застукав ее с сигаретой, устраивал настоящие разносы. В этом он был абсолютно прав – после рождения сына у нее развился диабет. Форма заболевания была легкой, Марина не принимала лекарств, поддерживая нормальный уровень сахара диетой, но диабет есть диабет. Здоровый человек может рассчитывать, что такие последствия курения, как облитерирующий атеросклероз, его минуют, но курящий диабетик обречен рано или поздно заболеть гангреной ног. Как хирург, Марина знала это заболевание не понаслышке, поэтому выкуривала не больше одной сигареты в неделю.

Казалось бы, муж должен это понимать и не отравлять удовольствие, которое она доставляет себе так редко...

«Интересно, а я хоть немножечко ему нравилась? – гадала Марина, вспоминая свою скоропалительную свадьбу. – Или он женился только из-за квартиры? Но тогда я этот вариант даже в голову не брала. Была уверена, что Жорка – книжный червь, фанатский ученый, вроде Паганеля у Жюль Верна, а

раз так, то он просто не способен к корыстным действиям. Что мысль о женитьбе по расчету физически не способна зародиться в его голове. Я думала, он проникся, что я так преданно за ним ухаживала, а на самом деле... Одинокая девчонка при квартире, все настолько очевидно, что даже его великий ум сработал вполне адекватно».

Она посмотрела на часы – время идти за ребенком в спортшколу. Школа располагалась в десяти минутах ходьбы от дома, Славик прекрасно добирался и сам, но Марине не хотелось признавать, что сын вырос и теперь гораздо меньше нуждается в ее опеке.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, по дороге она продумывала заметку для «Семейной кухни».

Итак, вы в магазине. Игнорируйте прилавки с полуфабрикатами и колбасой – никаких сосисок и пельменей! При кажущейся дешевизне они пробьют в вашем бюджете такую же дыру, как в слизистой вашего желудка.

То же самое – разные сырки, творожки и йогуртики. Казалось бы, десять, ну пятнадцать рублей, большое дело! Но одним йогуртом сыт не будешь. Покупать их ради полезных бактерий? Но все полезные бактерии содержатся в обычной, приготовленной из настоящего молока простокваше. А выжить в том, из чего готовят йогурты, да еще запакованными в пластик, могут только чрезвычайно стойкие мутанты. Кстати, о пластиковой упаковке. Помните:

*вы платите за каждую ванночку, выкидываемую вами
в мусорное ведро!*

Глава вторая

Царев терпеть не мог пьянки с сослуживцами. К счастью, на кафедре фармакологии работали в основном интеллигентные дамы средних лет, фантазия которых не простиралась дальше шампанского с тортом.

Другое дело – Спирин. Его дружный коллектив гулял часто, со вкусом и размахом. Георгий Иванович был зван на каждую вечеринку – Спирин думал, что Царев обидится, если его не пригласят, а тот, в свою очередь, боялся обидеть коллегу отказом.

Каждая вечеринка начиналась пафосной речью босса: «Мы избрали себе самого страшного врага – смерть!...» Георгий Иванович, уважавший Спирина, но не выносивший надрыва, из-за этих речей не мог относиться к нему с полным доверием.

После первого тоста Царев всегда незаметно уходил, вот и сегодня уже поднялся, но вдруг увидел Лену и передумал.

Праздновали дни рождения сразу нескольких сотрудников, поэтому собрались не в клинике, а арендовали небольшой зал в кафе напротив. Это дороже, зато можно расслабиться, не опасаясь возмущения больных.

Когда включили музыку, Лена с вежливой улыбкой выскользнула за дверь. Георгий нашел свою куртку и поспешил за ней.

– Лена! – Его голос гулко резонировал в пустом холле. – Вы уже уходите?

– Да. Сейчас начнутся танцы. Скучно.

– Я провожу вас?

– Ну что вы, время еще детское. Думаю, моей безопасности ничто не угрожает.

– И все-таки...

Она засмеялась, и Георгий заворуженно уставился на ямочки на ее щеках.

Они вышли на улицу и зашагали к автобусной остановке, лавируя между лужами.

Лена жила в двух остановках от больницы, и Георгий рассчитался, что они приехали так быстро. Он очень давно не провожал девушек...

– Может быть, зайдете на чашечку кофе?

Услышав эти слова, он обомлел. Ах, зачем она подвергает его такому искушению?

– Но это, наверное, неудобно, – промямлил он.

– Перестаньте! – Она засмеялась и потянула его за рукав.

– Я так счастлив... Лена, мне никогда не было так хорошо, как теперь с тобой. Знаю, всегда так говорят, но в моем случае это правда.

Они не успели выпить кофе – начали целоваться сразу в прихожей, и Георгий до сих пор не понимал, как такое могло получиться. Как только его губы коснулись губ Лены, в

мозгу словно зажглась тысяча звезд. Он наслаждался каждой секундой этого блаженства, сливаясь воедино с самым прекрасным созданием на земле. Каждая клетка его тела совпадала с Лениной, и это было страшно.

Завернувшись вдвоем в одно одеяло, они побрели на кухню курить.

– Я все-таки сварю кофе? – неуверенно предложила Лена.

– Прошу тебя, не беспокойся. Просто прижмись ко мне, больше ничего не нужно. Знаешь, а я ведь тебя люблю...

– Не шути так.

– Если бы! Я действительно тебя люблю, как только может стареющий мужчина любить молодую красавицу, и даже еще сильнее. А тебе я хоть немного нравлюсь?

– Ты еще спрашиваешь? Зачем я, по-твоему, вожусь с тобой вакциной столько времени?

– Я думал, тебе интересно...

– Ха! Да я половины не понимаю!

– Лена, это же очень просто. Я тебе сейчас все объясню.

– Спасибо, обойдусь. Главное, я вижу: вакцина работает лучше других иммуномодуляторов. И уволь меня от деталей.

– Как скажешь. Наверное, мне пора идти?

– Если хочешь, оставайся. Не знаю только, как на это посмотрит твоя жена.

– Никак не посмотрит. Она сегодня дежурит, сын у бабушки...

Он очень надеялся, что утром избавится от наваждения. Что проснется не в прекрасной сказке, а просто в чужом доме рядом с чужой женщиной. Он так хотел почувствовать себя неуютно в маленькой ванной, где не было его бритвенных принадлежностей, так хотел затосковать по собственной уютной кухне и родной жене с горячим вкусным завтраком... Но выяснилось, что для него нет ничего милее Лениного зашпанного личика, а на все остальное ему плевать.

Он ковырял неудобной вилкой пережаренную яичницу с колбасой, мрачно думая: «Надо же было так вляпаться», – и чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Дверь ординаторской распахнулась, и на пороге возник Спирин. Марина немного смутилась: ведущий хирург больницы застал ее за питьем чая.

Она восхищалась Спириным еще со студенческих лет, как недостижимым идеалом. И не только хирурга. Его мужественная физиономия с крупными суровыми чертами частенько фигурировала в ее мечтах. Хорошо, что она познакомилась с ним, уже будучи замужем, иначе, наверное, совсем пропала бы. Даже сейчас, приближаясь к пятидесяти годам, Спирин выглядел великолепно: тело бугрилось хорошо прокачанными мышцами, рыжая шевелюра блестела, а зеленые глаза светились молодым задором.

– Хотите чаю? – предложила она.

– Спасибо, нет. – Спирин обвел взглядом ординаторскую. – Узнаю отделение общей хирургии. Через минуту после конца рабочего дня ни одной живой души! И мои помощнички тоже все разбежались. А ведь хирургией нужно болеть, иначе нет смысла ею заниматься!

Марина глупо кивнула.

– А я к вам по делу, Мариночка. Ко мне сегодня женщина поступила. Кишечная непроходимость на фоне рака толстой кишки. Как ее лечили, вы себе не представляете!

Спирин сел на диван и энергично ударил себя по колену.

– Поставили ей диагноз по ирригоскопии¹, взяли на операцию, при ревизии увидели плотный конгломерат с поражением забрюшинного пространства и благополучно зашили. Отправили к онкологам, те назначили какое-то невразумительное лечение, на фоне которого у женщины развилась непроходимость. Но доблестные онкологи объяснили упорную рвоту действием химии и общей интоксикацией. Слава богу, ее муж ко мне обратился. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Так что, прооперируем?

– Сегодня?

– Естественно.

– Эдуард Андреевич, я не против, но вы не хотите ее подготовить? Сколько она уже с непроходимостью живет?

– Почти две недели.

¹ Рентгенологическое исследование толстой кишки. Получить гистологическую характеристику новообразования при данном исследовании невозможно.

– Ого! Давление-то она хоть держит? Представьте, какое там обезвоживание! И электролитный баланс наверняка ни к черту. Я не говорю уже про белковый дефицит, его мы все равно восполнить не успеем. Может, лучше положить ее в реанимацию, прокапать как следует, а завтра взять?

– Здорово рассуждаете. А про вторичный перитонит вы забыли?

– Тоже верно... Но до утра всего шестнадцать часов. Вполне укладывается в стандартный срок подготовки. Ну, хотите, в семь утра начнем?

Спирин заговорщицки ей подмигнул:

– Открою вам маленький секрет. Завтра я по плану оперирую одного очень важного человечка и отменить его никак не могу.

– А отложить на несколько часов?

– Тоже не могу. У меня весь день расписан по минутам. А послезавтра будет уже слишком поздно.

– Хорошо, давайте сегодня. Во сколько ей начали капать?

– Около двенадцати.

– Маловато. Пусть она хотя бы еще часика три в реанимации побудет.

Спирин нехотя согласился и сказал, что съездит домой, а ровно в девять вернется. Договорились, что к этому времени Марина уже возьмет больную в операционную и начнет делать доступ, чтобы профессор мог сразу приступить к основному этапу.

До половины девятого Марина работала в приемном отделении, увлеклась и чуть не забыла о назначенной операции, пока ей не позвонил анестезиолог и железным голосом не поинтересовался, какого черта она еще не в операционной.

Марина поморщилась. Дежурный анестезиолог обожал принимать и пылко отстаивать свои решения, точно зная, что ответственность за них нести не ему. Сколько Марина наслушалась от него шпилек, сколько упреков в некомпетентности! Между тем, по общему мнению врачей больницы, он вовсе не был блестящим специалистом, допускал ошибки при ведении наркоза, и лишь страстность суждений и имидж правдоруба позволяли ему производить впечатление. Как-то Марина, будучи человеком незлопамятным, защищала его от гнева коллег и заметила: «Ну, он по крайней мере не проходимец». С тех пор прозвище Непроходимец крепко к нему прилипло. Неизвестно почему, но Спирин верил в анестезиологический талант Непроходимца. Тот, в свою очередь, признавал профессора единственным авторитетом в больнице.

Вообще-то Марина должна была сначала осмотреть больную и решить, можно начинать операцию или еще рано. Но ясное дело, по сравнению со спиринским ее слово ничего не значило.

Она поднялась в операционную. Непроходимец уже интубировал больную, поэтому Марина заторопилась, быстро

вымыла руки и почти вбежала в зал, где сестра держала наготове халат.

«Интересно, – подумала Марина, – он хоть созвонился со Спириным? Вот будет весело, если профессор опоздает! Конечно, наложить обходной анастомоз² между тонкой и толстой кишкой я могу не хуже, чем он, но таким образом я его подставляю, ведь женщина ехала сюда затем, чтобы ее оперировал именно Спирин. Родственники будут очень недовольны, узнав, что он передоверил работу какой-то бабе. Особенно если больная умрет, а это вполне может произойти. Эх, рано мы ее берем...»

Но ровно в девять, как раз когда Марина сделала лапаротомию, ограничила операционное поле и начала ревизию, Спирин появился в операционной. Пока он одевался, Марина успела ввести длинный зонд в тонкую кишку, чтобы убрать газ, иначе раздутые петли не давали работать.

Спирин подошел и, насвистывая какую-то классическую мелодию, принялся осматривать брюшную полость. – А что ж вы одна, голубушка? Неужели некому помочь?

– Некому! В приемном такой завал, травматолог еле справляется. Да я уж привыкла одна, аппендициты постоянно вдвоем с сестрой делаю.

– Могли бы кого-нибудь из дома вызвать, есть же у вас молодые? Или они не хотят стать хирургами?

Завел пластинку, раздраженно подумала Марина. Спирин

² Соустье, искусственное соединение петель кишечника, сосудов и др.

считал, что героизм есть образ жизни хирурга. Его сотрудники были обязаны гореть на службе, причем искры, дым и чад от этого процесса разносились далеко вокруг.

– Эдуард Андреевич, да неужели мы вдвоем не справимся? Делов-то – соустье наложить. Вы шить будете, я – нитку вести, третьему тут и делать нечего.

– Соустье? Нет, это все надо убирать.

– Опомнитесь, Эдуард Андреевич! – Оттого что приходилось перечить самому Спирину, Марина говорила очень тихо. – В условиях такой дегидратации мы имеем право только на минимальный объем вмешательства! Опухоль уберете вторым этапом, когда женщина немного окрепнет.

– Да что вы говорите, Мариночка! – Спирин саркастически улыбнулся, она поняла это, хотя его лицо закрывала маска. – Уж поверьте, я тоже кое-что понимаю в хирургии. Нам придется накладывать анастомоз, так почему бы заодно и опухоль не удалить?

– Потому, что это удлиняет операцию и увеличивает кровопотерю. Больная и так на ладан дышит!

– Но опухоль на грани операбельности, и кто знает, насколько она вырастет, пока мы будем готовить больную к следующей операции? Термин «раковая интоксикация» вам что-нибудь говорит? Все, я решил! Делаем гемиколэктомию³. «Решил он! Вообще-то я – ответственный дежурный

³ Удаление значительной части толстой кишки, стандартная операция при злокачественных опухолях.

хирург, а не вы!» Но Марина не посмела произнести этого вслух. Спирин – главный хирург больницы, профессор, и больная приехала к нему. Пусть делает что хочет.

– Прошу вас, подумайте! – Все же она предприняла еще одну попытку его образумить. – Да и опухоль, посмотрите, какого странного вида. Биопсию же не делали. Может, это и не рак?

– А что тогда?

– Ну, карциноид⁴, например... Гистологию возьмем, нам через неделю скажут. Вдруг это вообще туберкулез?

– Вы сами-то в это верите?

Марине пришлось признаться, что нет. Тогда она попробовала зайти с другой стороны:

– Эдуард Андреевич, больная давление еле держала...

– Но держала же! Анестезиолог у нас сегодня прекрасный, прорвемся.

Марина очень сомневалась, что мастерство Непроходимца представляет собой серьезный аргумент против тяжести состояния пациентки, а от оптимизма Спирина ее просто кинуло в дрожь. Как непринужденно он распоряжается чужой жизнью! Что же ей делать? Отказаться ассистировать? Но один Спирин вообще ничего не сможет, а пока ему ищут другого помощника, пациентка будет находиться в наркозе, с открытой брюшной полостью!

⁴ Особый вид опухоли, сочетающий в себе признаки доброкачественного и злокачественного новообразования.

Марина согласилась...

Заканчивали они уже на трупе. Непроходимец продолжал еще вентилировать легкие и даже регистрировал на кардиомониторе единичные сердечные сокращения, но все это делалось только ради того, чтобы формально смерть была зафиксирована в реанимации, а не на операционном столе.

Спирин пытался сохранить лицо: делал массаж сердца, потом долго орал на Непроходимца, но Марина знала, что на этот раз тот все делал правильно: перелил достаточные объемы жидкости, не поленился притащить из реанимации импортный аппарат ИВЛ и не пожалел хорошего анестетика из личной заначки. Но объем операции был неоправданно большим.

– Лечение – гут, больной – капут! – мрачно сказала сестра, развязывая Маринин халат.

– Не надо так. Не шутите.

– Какие шутки, угробили человека.

– Ну уж вы-то ни в чем не виноваты.

Она старалась не смотреть на пациентку. Волей обстоятельств женщина так и осталась для нее безымянной и безликой.

Лучше ничего о ней и не знать.

За годы работы Марина не смогла привыкнуть к смертям. Она была очень осторожным хирургом, и если пациент умирал, точно знала, что дело не в ней, а в тяжести заболевания или травмы, которые привели несчастного на операционный

стол. До сегодняшнего дня за десять с лишним лет практики у нее было всего три таких случая, и она во всех подробностях помнила каждый.

А сегодня... Пусть это был рак в последней стадии, но, поступи они так, как настаивала Марина, пациентка уже проснулась бы и почувствовала себя лучше, чем до операции. Несколько месяцев приличной жизни ей можно было бы гарантировать. Получается, женщина погибла из-за ее, Марининой, бесхарактерности.

Смотреть на Спирина было почти невыносимо, но она покорно записала с ним протокол операции и только после этого ушла.

...Время перевалило за полночь, в приемном отделении было необычно тихо, но сон не шел. Завернувшись в дежурный ватник, Марина стянула сигарету из Валеркиной пачки и вышла на крыльцо. Стояла холодная и прозрачная сентябрьская ночь, с тихим шелестом подкрадывалась осень, в тусклом свете фонаря посверкивала роса, и огонек сигареты казался единственным источником тепла в округе. Ее сегодняшняя пациентка уже никогда не увидит, как желтеют и опадают листья...

«А я увижу, и что с того? Что хорошего может случиться со мной? Сын вырастет и заживет самостоятельно, я останусь одна... Нет, хуже, чем одна, – с нелюбимым и нелюбящим мужем, который служит твердой гарантией унылости

моего существования. Тяжелая работа и домашняя каторга – вот составляющие моей жизни».

Развод? Кому она нужна в тридцать шесть лет, да еще с диабетом? Остаться одной? Конечно, она и так все равно что одна, но рассказывать родным и друзьям, что развелась... Терпеть их злорадство, плохо замаскированное сочувствием? Это еще хуже. Ведь если быть честной, раздражает ее не сам Георгий как таковой, а собственные мысли о том, какой он эгоист.

Марина глубоко затянулась и затушила сигарету о железный прут перил.

«Ладно уж, что теперь поделаешь? Пойдем писать заметку. Что там у нас на очереди, каши?»

Манная каша – самая коварная, требует неусыпного внимания и чутья. Сварить вкусную манку – сложнейшая задача, одним старанием здесь не обойдешься. Во-первых, нужно хорошее молоко. Если у вас его нет, можете даже не начинать, ничего не выйдет. Во-вторых, путем долгих проб и ошибок требуется подобрать дозировку крупы. Я обычно беру полчашики на пол-литра, но вам такая пропорция может не подойти, да и какая уважающая себя хозяйка будет пользоваться мерными емкостями!

Технология такова: ставите молоко на маленький огонь и сразу начинаете тонкой струйкой сыпать манку, непрерывно помешивая. И продолжаете помешивать до полной готовности. То есть минут

пятнадцать – двадцать. Манка – единственная каша, в которую сахар кладется не после, а в процессе приготовления, но перед самым концом. Так меньше шансов, что каша пригорит. Вкус манной каши можно разнообразить, добавив в нее ложку-другую какао-порошка. Только это должен быть обычный порошок, а не быстрорастворимый. Чтобы не образовалось комков, вводить его можно двумя способами – растерев с ложкой-другой теплого молока и влив в кашу или, проще, заранее перемешав с приготовленной крупой. Отдельные фанатирующие хозяйки развлекаются с манной кашей, прославая ее всякой фигней, делают из нее тортики, но, на мой взгляд, эта игра не стоит свеч.

Если вам некуда девать энергию, лучшие испеките настоящий торт.

Если ваши домашние дружно отказались завтракать, не унывайте. Манная каша легко перерабатывается в шарлотку, нужно только добавить побольше яиц и пару ложек муки, чтобы изделие не рассыпалось.

Но если после завтрака осталась одна порция или меньше, смело выкидывайте. Не надейтесь, что вы это потом съедите. Не жалейте – вы можете себе позволить утопить в унитазе три-четыре рубля.

Вообще грамотное использование остатков – дело очень тонкое. В стремлении спасти остаток вы можете испортить им хорошее блюдо. Решая судьбу остатка, твердо помните об основном законе органической химии – если смешать килограмм повидла

с килограммом дерьма, получится два килограмма дерьма.

Каши, какой бы вкусной она ни была, ни в коем случае не должна быть единственным компонентом завтрака. Иначе ваш дом будет стойко ассоциироваться у членов семьи с больницей, тюрьмой или пионерским лагерем – это уж кто где бывал. На столе обязательно должно присутствовать что-нибудь вкусненькое.

Уходя от Лены утром, он не обещал звонить. Самая счастливая ночь в его жизни должна остаться единственной. Всю оставшуюся жизнь он будет, как скупец золотые монеты, перебирать каждую секунду этой ночи, не давая ни одной затеряться в дебрях памяти, но ничего больше не прибавит к своему капиталу. У него семья, жена-диабетик, разве она виновата в том, что он полюбил?

Господи, да много ли ему надо? Видеть Лену, иногда касаться золотого облачка ее волос и вспоминать, вспоминать...

Новая встреча была неизбежна, не могла же Лена заявить, что больше не будет заниматься вакциной. Спирина просто нечем ее заменить, другие врачи почти открыто смеются над его работой.

Но вдруг Лена потребует объяснений? Или, еще хуже, при встрече обнимет его, как постоянного любовника? Он ведь не сможет оттолкнуть ее...

Она приехала неожиданно, без предварительного звонка.

Спокойно поздоровалась, сняла свой пестрый рюкзачок.

Царев подумал, что в кожаной куртке и толстом белом свитере с высоким воротом Лена похожа на полярного летчика, и улыбнулся.

Сев напротив, она вытащила из рюкзака термос и папку.

– Будете смотреть результаты?

Георгий взял папку, подержал ее в руке и рассеянно положил на угол стола. Впервые в жизни ему было наплевать на всю науку мира. Хотелось только смотреть на Лену, смотреть не отрываясь, чтобы все запомнить и продержаться до ее следующего визита.

– Вы бы хоть со мной поздоровались, – усмехнулась она, шаря в рюкзаке.

Ищет сигареты, догадался Георгий и молча подвинул ей свою пачку.

«Сейчас она докурит и уйдет, ведь ей нечего больше тут делать... Не ушла сразу, ну и что? Это совсем не значит, что я ей нравлюсь. Просто любая женщина хочет услышать хоть слово от мужчины, с которым делила постель».

Лена курила, глядя в окно, и он готов был отдать все на свете, лишь бы ее сигарета никогда не кончилась. Нужно собраться с духом и сказать ей все как есть – и о любви, и о жене.

Но егохватило только на тихое «не уходи», когда она встала и взялась за ручку двери.

...И для Царева наступила пора безумного, пьяного счастья. Каждое утро он, просыпаясь, улыбался и думал: «Неужели это происходит со мной? Неужели может быть так тепло и радостно на душе, только оттого что Лена существует?»

Они встречались в дни Марининых дежурств. Поначалу Георгий ощущал слабые уколы совести, но это быстро прошло. «Мы ничего ни у кого не отнимаем», – повторял он про себя как заклинание.

Гораздо больше теперь его мучило собственное финансовое положение: зарплату Георгий всегда отдавал жене, и наличности в его карманах водилось очень мало. Он выходил из дома без денег, с проездным билетом на метро и пакетом домашней еды. Даже сигареты ему покупала Марина – в какой-то только ей известной оптовой точке.

Георгий знал, что если станет зажимать часть зарплаты, Марина не устроит ему скандала, даже не потребует объяснений. Но транжирить деньги на любовницу, когда жена пять лет не может купить себе новое пальто...

Сама Лена ничего у него не просила. Казалось, она тоже наслаждается их влюбленностью, но Георгию так хотелось ухаживать по-настоящему! Дарить цветы и разные милые пустячки, хоть изредка ужинать в ресторане, а еще – повести Лену в бутик и выбирать ей что-нибудь, чтобы она исчезала в примерочной с ворохом одежды, а потом появлялась перед ним преобразенная и с радостно-озабоченным личиком...

Впервые в жизни он горько жалел о том, что не богат. С Леной у него все было впервые.

Закончив работу, Георгий выключил компьютер, потянулся и с чистой совестью отправился на кухню. Марина готовила на ужин яблочные оладьи, и вкусный запах привел его в превосходное настроение.

– Сваришь кофейку? – Он присел на подоконник.

Она молча взяла турку.

Он стащил одну оладушку и съел, обжигая пальцы и язык, но все равно было очень вкусно. Он засмотрелся, как жена ловко подбрасывает оладьи на сковородке, переворачивая, и не забывает при этом следить за кофе.

«А ведь Марина красивая женщина! – Он медленно обвел взглядом фигуру жены, облаченную в белоснежную футболку и спортивные штаны. – Крупная, конечно, но красивая же. Попа круглая, спина прямая... Сколько она, лет пятнадцать, у операционного стола стоит, а осанка как у балерины».

Марина убрала волосы в хвост, но для этого они были еще слишком короткими, пряди все время вылезали, и она раздраженно закладывала их за уши. Сколько Георгий помнил, с прической у нее всегда была беда. Примерно раз в год Марина с мрачной решимостью на лице отправлялась в самую дешевую парикмахерскую и возвращалась оттуда иногда симпатичной, а иногда – не очень.

«Ей бы прическу сделать красивую, похудеть! – продол-

жал удивляться он. – Даже странно, почему в институте никому не приходило в голову за ней ухаживать. Да и я сам влюбился не в нее, а в семейную жизнь – в треск яйца, выливаемого на сковородку, в запах борща и чаепитие на кухне по вечерам. В то, что когда ты лежишь больной, рядом сидит женщина и читает тебе вслух или рассказывает разную ерунду, а твоё бельё аккуратно сложено в стопки и пахнет лавандой. Я же рос в интернате и ничего этого не знал. Но я никогда не восхищался её телом...»

Он покосился на Маринину руку – ну, рука и рука... Почему же от вида Лениного тонкого запястья ему хочется плакать?

Кофе загудел, как ракета перед стартом, над туркой показался краешек коричневой шапки, и Марина моментально выключила газ.

– Ты сейчас поешь, или Славика подождем?

– Подождем.

Она кивнула и разлила кофе по чашкам. Не спрашивая, добавила молоко и сахар Георгию, а себе насыпала заменитель.

– Ты бы лучше приучилась горький пить, – мягко упрекнул он, – эта химия для организма не подарок. Или вообще откажись от кофе.

– Я и так уже отказалась от всего вкусного, сладкий кофе для меня – единственная отрада. Кстати, у нас в приемном отделении все, кроме меня, пьют только чай, кто черный, кто

зеленый, кто фруктовый. Меня это очень устраивает – если больной пачку кофе подарит, значит, мне достанется.

Георгий не удержался и опять стащил оладушку.

– Да ешь ты спокойно! Славик придет, еще раз поужинаешь. Варенье достать?

– Лучше сметану, – сказал он с набитым ртом.

– Знаешь, я хотела поговорить с тобой. Извини, что вмешиваюсь, но не надо тебе было у Спирина денег просить. Зачем? Мы же с голоду не умираем.

Смутившись, Георгий быстро принялся за еду. Он как-то упустил из виду, что Марина трудится в той же больнице, что и Спирин. Денег он не дал, но в любом случае ситуация не должна была стать известной жене, ибо все планировалось потратить на Лену.

– А теперь Спирин носится по больнице и орет, что настоящие подвижники перевелись, все на больных только зарабатывают!

– А сам-то он на больных не зарабатывает? – поинтересовался Георгий, чтобы перевести разговор и чтобы жена не задумалась, зачем ему, собственно, понадобились деньги. – «Лексус» свой он на зарплату купил?

Марина засмеялась.

– Спирин берет – будь здоров! Но он же великий хирург, первый после бога. Он со смертью борется, жизни спасает. Поэтому может и бабки брать, и других судить. А ты из одной пробирки в другую всякую фигню переливаешь. Для те-

бя другие правила жизни. А сколько ты у него просил?

– Ну, я ему сказал, что готовлю вакцину в свободное время, счастье еще, что мне позволяют кафедральные реактивы использовать, могут ведь заставить на свои деньги покупать. А пятьсот рублей, говорю, не такая уж большая сумма.

– Ты просил пятьсот рублей за укол?

– Не за укол, а за весь курс. И то выборочно, если больной совсем бедный, то ничего не надо.

Марина задумчиво вытащила из ящика стола сигареты. Георгий открыл рот, чтобы начать ругаться, но она жестом остановила его.

– Как интересно, – она медленно выпустила дым, – сумма ерундовая, а Спирин между тем ослабил тебя как беспринципного человека, говорил, ты хочешь последней надеждой торговать, делать бизнес на человеческом страдании. Будто сам он занимается чем-то другим! Разница только в том, что он продается гораздо дороже. Вот если бы ты сказал с умным видом, что вакцина – твоя интеллектуальная собственность и ты оцениваешь ее в пять тысяч баксов с человека, все бы, наверное, восхитились: о да, это великий ученый! И платили бы, кстати говоря, без писка. – Потушив сигарету, Марина потянула руку к оладьям, но тут же отдернула. Ей, как диабетiku, предстояло наслаждаться гречневой кашей. – Нет, ну каков Спирин! По пятьсот рублей, это сколько бы в месяц получалось?

– Тысячи две, наверное.

– Хоть бы за Славикову учебку платили без напряга!

Георгию стало стыдно. Определив сына в хорошую гимназию, он больше не думал об его образовании. В будущем маячили либо крупные взятки, либо плата за обучение в институте, но он и тут полагался на жену – она что-нибудь придумает. Конечно, он слышал, как Марина, вернувшись с родительского собрания, каждый раз ругается и стонет, но все же не верил, что поборы на охрану, второй язык и подарки учителям могут нанести существенный урон их бюджету. «Идиот, нужно было давно пойти к Спирину и сказать: вакцина стоит тысячу рублей. Платите – или пошли на фиг, я другой рынок сбыта найду». И как правильно заметила жена, профессор считал бы его не беспринципным человеком, а ученым, который себя ценит.

– Знаешь, я подумала, с чего это Спирин про тебя столько говорит? – прервала Марина его размышления. – Ну, попросил ты денег, он не дал, дело житейское. Ты же настаивать не стал?

– Нет, конечно.

– Я думаю, просто Спирин тебе завидовал, может быть, сам того не понимая. Твое бескорыстие для него вроде камешка в ботинке было. Вот он и обрадовался, когда ты оскормился.

– Неужели он и тебе на меня жаловался?

– Да нет, это мне передали. А вчера он вдруг предложил мне перейти к нему на отделение. Совесть, что ли, замучила?

– Ты согласилась? – спросил Георгий, холодея. Мало того что жена и любовница трудятся в одном стационаре, а если еще в одном отделении...

– Отказалась, конечно. Неужели я пойду работать к человеку, который моего мужа поносит?! Сказала, что у него операции большие, а я с диабетом не могу по шесть часов выстаивать. Вообще странно, что я ему понадобилась, у него своих врачей хватает... Ты сам-то будешь с ним дальше дело иметь?

– А куда я денусь?

– Ну мало ли кто распространенными опухолями занимается! Да в любую поликлинику сходи, договорись...

– Не так все просто. Во-первых, у нас много неопубликованного материала, если мы разойдемся, он пропадет. Потом у Спирина связи, выходы на фармкомитет...

– А ты уверен, что он воспользуется этими выходами? Может, ему выгоднее держать тебя в роли подпольного волшебника, владеющего чудо-средством?

– Не думаю. После того, что ты рассказала, он свинья, конечно, но не воплощенное же зло! – Георгий сыто откинулся на стуле и вытащил сигарету. Давненько они с женой не разговаривали так откровенно и так долго.

Марина поднялась мыть посуду.

– Эх, зачем судьба свела вместе двух таких честных идиотов, как мы с тобой! – в сердцах бросила она.

Глава третья

Миновав полосу темного леса, Марина спустилась к болоту и села на поваленный ствол, наслаждаясь теплым осенним солнцем. День выдался мягким, светлым, хрустально-голубое небо было покрыто сетью мелких облачков, будто там, наверху, лопнула огромная подушка и из нее высыпался пух. Болотная трава уже пожухла, стала ржаво-желтой, но некоторые кочки были красны от клюквы, и Марина предвкушала, как сейчас будет прыгать от одной кочки к другой и собирать, собирать! Болото маленькое, ей хватит двух часов, чтобы его обойти, а потом она отправится на электричку – через лес, где красные кроны сменяют золотые, а под ногами пружинит изумрудно-зеленый мох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.